

РУССКИЙ НИНДЗЯ

МИХАИЛ СЕРЕГИН

ПО ПРОЗВИЩУ КИТАЕЦ

Китаец

Михаил Серегин

Похмельный синдром

«Научная книга»

2004

Серегин М. Г.

Похмельный синдром / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2004 — (Китаец)

© Серегин М. Г., 2004
© Научная книга, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Серегин

Похмельный синдром

Глава 1

Зеркало с оглушительным звоном рухнуло в темную бездну. Пара осколков больно врезалась в мозг. Китаец тяжело задышал, потом резко сел в постели, отгоняя от себя тревожный сон. Тьма окутала его. В этот миг дверь комнаты бесшумно распахнулась. На пороге выросла зловещая шевелящаяся тень. В руке у тени на секунду вспыхнул фонарь. Тонкий луч света скользнул по постели и на секунду ослепил. Китаец впечатался в простыню, перекатился с кровати на пол, одновременно увлекая за собой тело спящей рядом женщины. Раздались сухие щелчки. Потом стон. Захлебнувшись безголосым мраком, он мгновенно стих. Тень палила из пистолета с глушителем. Несколько пуль пролетело над головой Китайца, с мерзким шипением врежаясь в стену и в дерево кровати спинки.

Китаец рванул висевший на стуле пиджак, под которым притаилась кобура. Выдернул «ПМ» и подполз к углу кровати. Его голова замерла у ножки. Грянули выстрелы. Нажимая на курок с неистовым отчаянием, Китаец изрешетил бы тень, если бы она уже не исчезла. Он быстро включил ночник, стоявший на прикроватной тумбочке.

– Света, – он встал на колени перед распростертым, истекающим кровью телом, – Света.

Китаец положил пистолет, чтобы освободить правую руку. Хотя не было нужды тормозить Светлану, чтобы убедиться, что она мертва. Умерла, не успев открыть глаз. Войдя под лопатку, пуля пробила сердце. Тем не менее Китаец приложил пальцы к Светиному запястью. Так и есть, мертва. Ковер был залит кровью. Китаец подбежал к окну, за которым непроглядным мраком висела холодная мартовская ночь. Четвертый этаж. Ничего не увидев, он через холл метнулся в гостиную, открыл балкон и, как был голый, вылетел на него. Все, что он успел разобрать в тусклом свете далекого фонаря, – бегущая тень, в одну секунду преодолевшая двадцать метров до поворота за дом. Вскоре до слуха Китайца донесся шум мотора, быстро стихающий вдали. Он вернулся в гостиную. В этот момент в прихожей раздались встревоженные голоса, и в квартиру ввалились разбуженные выстрелами, перепуганные, возбужденные соседи.

Не найдя под рукой ничего другого, кроме занавесок, Китаец молниеносным движением сорвал тюль и обмотал им бедра.

– Господи, – взмолился надсадный женский голос, – что это?

– Выстрелы, вот что... – резко отвечал ей надтреснутый бас.

– Безобразие! – визжала сухопарая пожилая тетка в пестром халате, под которым колыхались огромные груди.

Она включила свет в гостиной и обмерла перед завернутым в тюль Китайцем. Беспомощно вращая круглыми глазами, она дико завопила:

– Коля! Он здесь! А-а!

В испуге она попятилась и налетела на стену. Не сводя с Китайца вытаращенных глаз, принялась медленно оседать на пол.

– Кто?! – прогремел бас. В гостиную вбежал мужик в годах, но еще довольно крепкий, в мятой выцветшей майке. Оценив ситуацию, он машинально схватил стул и бестолково замер с ним посреди комнаты. Во избежание смертоубийства Китаец хотел было поднять руки, но одевавший его чресла тюль, будучи торопливо скрученным и повязанным, под грузом огромного узла принялся сползать вниз. Китаец еле успел подхватить его.

– Голый! – завизжала вышедшая из ступора тетка в пестром халате. Она уже встала на карачки и пыталась выпрямиться, но краем глаза косила в сторону Китайца.

Китаец, который тоже, надо сказать, находился не в своей тарелке, подумал, что спектакль затянулся. Поддерживая свою «набедренную повязку», он опустился на стул, глубоко вздохнул и глухим голосом сказал:

– Закурить не найдется?

Мужик еще больше окосел.

– Ты стрелял? – растерянно спросил он.

Китаец вяло кивнул.

В эту минуту в гостиную осторожно заглянули еще двое: сначала тетка с заплаканными глазами и трясущимся вторым подбородком, за ней – бодрая бабулька лет семидесяти с гаком, не успевшая толком причесаться. Ее тонкие волосенки рваными прядями торчали в разные стороны.

«Хлеба и зрелищ», – с горечью подумал Китаец.

Мало того, что эти люди совершенно утратили чувство самосохранения и ворвались в квартиру, где только что прогремели выстрелы, они еще пытаются прояснить ситуацию! А может, это недавний взрыв на рынке в Самаре настроил их на решительный лад? Придал смелости и бдительности?

– Вызывайте милицию. Я сделаю заявление, – Китаец лениво усмехнулся, чем возбудил в добропорядочных обывателях ропот недоверия и возмущения.

– Уже вызвали, – сурово нахмурив брови, прогундосила тетка в пестром халате, которая поднялась и, выставив груди, встала за спиной мужика в майке. – А Светка где? – неожиданно спросила она, испугавшись собственной храбрости. – Я вас еще вчера вечером приметила.

Китаец вздрогнул. Словно все происходящее, представлявшееся ему дурным сном или кадром из криминальной мелодрамы, при упоминании имени его подруги вспыхнуло ярким пламенем правдоподобия. Он вспомнил строчки Тао Юань Мина:

Если в мире есть жизнь, неизбежна за нею смерть,
Даже ранний конец не безвременен никогда.

Китаец вскочил и, как мог, кутаясь в тюль, направился в холл. Мужчина в майке неправильно расценил его движение. Он преградил ему путь, выкатив грудь колесом.

– Куда? – грозно спросил он. – Нельзя.

– Я должен одеться, – попробовал отстранить его Китаец. – Если будете упрямы, сброшу к черту эту занавеску! Подумайте об этой впечатлительной особе, – кивнул он на застывшую с открытым ртом гражданку в пестром халате, – дайте дорогу. Вас это тоже касается! – крикнул Китаец тем, кто стоял у дверей гостиной.

Тучная тетка в папильотках, полная гордого негодования, принялась увещевать Китаец:

– Молодой человек, сядьте на место...

Китаец поморщился и, вернувшись к столу, взял в руку телефонную трубку. После восьми длинных гудков трубка ожила.

– Слушаю, – отозвалась она сонным голосом Игоря Бухмана.

– Игорь, это я, – произнес Китаец, – ты мне срочно нужен, запиши адрес.

Он назвал улицу, номер дома и квартиры.

– Господи, Танин, ты знаешь, сколько сейчас времени?

– Записал? – не обращая внимания на зудение Бухмана, поинтересовался Китаец.

– Записал, – вздохнул Бухман, понимая, что поспать ему сегодня уже не удастся. – Что там у тебя?

– Одна бледная, холодная дама, – произнес Китаец, не решаясь назвать трупом женщину, с которой он только что занимался любовью. – Совсем холодная, – добавил он и положил трубку.

Здесь воздух потряс душераздирающий женский крик:

– Уби-ита!

Толпа закопошилась, зароптала, как взрыхленное сильным ветром море, и качнулась в сторону холла.

– Светку убили! – грянул жуткий возглас.

Воспользовавшись смятением, поразившим живые ряды, Китаец пробился в холл.

– Держи его! – завопила всклокоченная бабулька в спортивном костюме и первой ринулась к нему. – Сбежит, изверг!

Сразу несколько рук схватили Китайца, который не ожидал такой активности и, можно даже сказать, бесстрашия, граничившего с сумасшествием. Энергично работая корпусом и локтями, он все-таки смог расчистить себе дорогу к спальне.

– Ничего не трогайте! – вырвался из его груди глухой крик.

– Дайте мне, черт возьми, одеться!

Видя, что Китаец убежать не собирается, соседи немного успокоились и пропустили его в спальню. Тем более что он сам уже освободился из их горячих объятий и нашел на стуле свою одежду.

– Ну что, так и будете пялиться? – криво усмехнулся он.

Столпившийся у двери народ никак не прореагировал на это восклицание. Тогда Китаец расслабил узел на своей импровизированной одежде, и на глазах смущенной и возмущенной таким цинизмом публики тюль упал к его ногам. Он нашел на стуле трусы и быстро надел их.

– То, значит, палят посреди ночи, то варьете устраивают! – негодовала тучная тетка в папильотках, рассматривая его худощавое мускулистое тело без единой капли жира.

Она делала вид, что вынуждена смотреть на невинный стриптиз, к которому Китайца принудили бдительные и расторопные соседи.

– Ладно уж, дайте парню одеться! – вмешалась бабулька в спортивном костюме.

– А вдруг сбежит, через окно, например, – ни к кому конкретно не обращаясь, неодобрительно покачал головой мужик в майке, которого дама с мощной грудью называла Колей.

– Если бы я хотел убежать, – усмехнулся Китаец, – я бы не встречал здесь вас в неглиже.

– А ну-ка, – разгневанный не то фразой Китайца, не то тем пренебрежительным высокомерием, с которым тот отваживался выглядеть таким гиперборейцем, а может, движимый тайной завистью – ведь внимание женщин было приковано к другому мужчине, – Коля решительно двинулся к Китайцу и дернул на себя стул с одеждой последнего. Китаец остался в одних трусах.

– Милиція приедет, вот тогда разберемся, – угрожающе пророкотал Колин бас, – а пока... – он кивнул на свободный стул, – ...садись и не балуй! Ты в Светку стрелял? – перешел он к дознанию.

Китаец скосил глаза на лежащий под кроватью пистолет. Нет, не станет он им размахивать перед носом этого бешеного обывателя. Свидетелей тьма – незачем так рисковать. Угрожать с оружием в руках – это совсем не то, что грозить на словах. Демонстрируя великолепную выдержку, Китаец мягко опустил на стул.

– Вот так, – довольный своим вмешательством и тем, как покорно внял его приказу Китаец, сказал толстяк. – Ты? – кивнул он на мертвое тело. – Не поделили чего или как? – мужик деловито качнул головой.

Китаец зевнул и, игнорируя вопрос дяди Коли, погрузился в раздумья. Он умел достигать такой степени отрешенности, что окружающее переставало существовать для него. Лица подергивались клубящейся пеленой, голоса превращались в смутное эхо. А потом совсем пропадали, словно его отсекала от мира стеклянная звуконепроницаемая стена.

Накануне он гадал по «И-Цзин», и ему выпала гексаграмма «Пи»: Небо вверху. Земля внизу. Несчастье. Он помнил наизусть то, что стояло в окне гексаграммы: «Разбитое зеркало означает что-то, чего нельзя восстановить».

Перед его внутренним взором всплыло то, как он опустил глаза ниже и прочел Гуа Цы – толкование гексаграммы: «Несчастье. Успех злых людей. Хорошему человеку нет помощи, чтобы справиться с делами».

В гексаграмме переходным было пятое яо, это трактовалось так: «Застой кончается. Для великого человека удача». Китаец не поленился заглянуть в комментарий Чжань: «Человек, потерпевший в чем-то неудачу, может начать все сначала».

Он редко использовал «Книгу перемен». Не потому, что относился к прорицанию несерьезно, а потому, что зачастую не хотел знать будущего. Китаец еще мальчиком убедился в силе «И-Цзин». Как-то раз он погадал на завтрашний день: какая будет погода? Отец сидел с ним на подушечке. Это был его последний приезд перед смертью матери, после которой Алексей Борисович Танин увез сына в Россию.

В маленькой хижине недалеко от Няньнина, в которой Китаец жил с матерью, был уголок для гадания. На стене висели изображения Фу Си и Конфуция. Отец наблюдал за ним. Он гадал на монетах. Выпала гексаграмма Ли, которая прямо указывала на Солнце. И хотя вечер, когда происходило гадание, не предвещал ничего хорошего, был снежным и ветреным, на завтра Китаец проснулся от ослепительного блеска солнечных лучей. Они текли по намерзшему снегу, обретая от белизны дополнительную силу. Китаец очень обрадовался. Он наполнил дом веселым криком. Китаец вспомнил улыбающегося отца. А мать... в тот момент он не помнил, чем она занималась. Кусок праздничного утра, связанного с матерью, выскользнул из его памяти... Но она же...

– Смотри-ка, – сквозь тонкий звон полузабытого утра в Няньнине услышал Китаец басистый рык Коли, – пистолет вроде.

Коля тяжело опустился на колени и достал из-под кровати «ПМ».

– Осторожно! – вскричала экспансивная особа в пестром халате.

– В карманах глядеть надо, – посоветовала толстая тетка в папилютках. – Понаехали, понимаешь, к нам чукчи всякие!

Еле-еле встав с колен, одышливый Коля собрался отдать пистолет на хранение этой толстой курице, назвав ее Марьей Гавриловной, но Китаец перехватил его руку и выхватил оружие. Честная компания охнула и отпрянула к двери. Но, увидев, что стрелять в них никто не собирается и что пистолет благополучно успокоился в кобуре, висевшей под пиджаком, Коля вернулся к стулу, на котором висела одежда Китайца. Он с деловитой бесцеремонностью, отстранив Китайца, пошарил по карманам чужого пиджака и брюк. Достал лицензию.

– «Частный детектив Танин Владимир Алексеевич», – прочитал он вслух.

Физиономия толстухи приняла растерянное выражение. Она определенно приняла Танина за казаха, корейца или представителя малых народностей Севера. Она не приглядывалась к гладкому смуглому лицу Китайца. Ей было наплевать, что глаза его не такие раскосые, какие обычно бывают у представителей желтой расы, что лицо не такое скуластое... Она не отличалась особой физиономической внимательностью и чутьем, чтобы различить в лице Танина Восток и Запад. Будучи метисом, Танин на своем примере доказывал то, что обычно говорилось о детях родителей, принадлежащих не только к разным нациям, но и к разным расам. Красивые, талантливые, умные... Осталась не замеченной толстухой и тонкая улыбка Китайца.

– Русский, что ли? – опешила она, сбитая с толку фамилией Китайца.

Как будто в нынешней ситуации это имело значение – какой национальности подозреваемый в убийстве. Кем подозреваемый? Обывателями? Танин поморщился.

Он вернулся в воспоминаниях к вчерашнему вечеру. К протекшей неделе. «Несчастье», – говорила книга «И-Цзин». Но разве мог он предположить, что несчастье имеет отношение к этой красивой белокурой женщине, на обнаженное тело которой он старался не смотреть? Разве думал он, что ее жизнь – это разбившееся сегодня ночью зеркало? Он вспоминал безумные ласки, которые они дарили друг другу на протяжении недели. Такая погруженность в то, что он называл страстью, а Светлана готова была окрестить любовью, начала его уже тревожить. С женщинами Китаец старался держаться как можно более независимо, не прилипать надолго, сохранять некоторую дистанцию.

Светлана казалась ему подходящим вариантом. Первые два дня речь шла только о постельных утехах. Она выглядела счастливой женой богатого мужа. Муж уехал в командировку, и она срочно решила обзавестись любовником сроком на неделю. «Для поддержания физической формы», – шутила она. Они познакомились в ресторане. Света сама под села к Танину. Она была настолько откровенна, что Танин был склонен упрекнуть ее в легкомыслии. На третий день их бурного романа она поделилась с ним опасениями, касавшимися ее мужа, генерального директора ОАО «Тарасовспирт». Светлана сказала, что Рома посвятил ее в некую тайну. Речь шла о его бизнесе. Светлана туманно намекнула, что мужу было известно нечто, компрометирующее определенных людей. Рома был на перепутье. Ему кто-то угрожал, требовал, чтобы он ушел в отставку, а он не знал, как поступить. Одарить ли местную прессу материалом для скандальной статьи и неминуемо навлечь на себя гнев высоких чиновников или бороться в одиночку, что было не менее опасно. Пытаясь поподробнее узнать, о каких людях и каком деле идет речь, Китаец натолкнулся на стену молчаливого сопротивления.

А когда Светлана, однажды повиснув у него на шее, призналась, что ее рассказы нужны были ей только для того, чтобы придать себе веса и привязать Китайца, он рассмеялся и не стал настаивать на подробностях.

Лиза, секретарша Танина, не знала толком, чем он занят и где пропадает. Она заявляла, когда ей удавалось застать его дома или когда он на несколько минут заскакивал на работу, что контора на грани банкротства, что нужно что-то срочно предпринять. Китаец же, пока у него была некоторая зацепка в виде Светкиной болтовни с намеком на заказ, успокаивал Лизу, говоря, что он сел кое-кому на хвост. Та не верила, подозревая, что это ее шефу «кто-то сел на хвост». И она догадывалась, кто именно. «Особа женского пола», – с горечью говорила проницательная Лиза. Китаец шутил, ухмылялся, а когда его охватывал порыв сострадания, принимался уверять свою подозрительную секретаршу в том, что ни о какой женщине не может идти речь.

И вот теперь, сидя на стуле в одних трусах, он думал, что бы сказала его острая на язык секретарша, если бы застала его в таком виде. Вокруг теснится народ, на полу – мертвая женщина, а он думает о том, что могла бы сказать Лиза... Трагизм и комизм, к напластованию и пересечению которых был чуток Танин, снова полонили его ум.

Он встал и хотел было взять с тумбочки сигареты.

– Стоп! – взревел недремлющий Цербер, в миру – Коля.

– Что, и курить нельзя?

Коля пожал плечами, устыженный собственной мелочной жестокостью. Китаец обошел тело, взял с тумбочки сигареты, зажигалку, пепельницу, вернулся к стулу, бросил пачку на ковер, прикурил и с аппетитом затянулся. Пока он курил, бдительные соседи Светланы, которой их бдительность уже ничем не могла помочь, молча стояли у двери и переглядывались между собой.

На улице взывала милицейская сирена. Китаец бросил окурочек в большую хрустальную пепельницу, которую держал на коленях, поставил ее на пол, поднялся и подошел к стулу, где висела его одежда.

– «Обезьяны кричат. Час рассвета уже недалек», – негромко процитировал он вдруг пришедшую ему в голову строчку Се Лин Юня.

– Чего? – не понял Николай.

– Ну-ка дай сюда. – Китаец взял за пояс свои джинсы.

Коля вцепился в них обеими руками и покачал головой.

– Не балуй, – Китаец плавным движением заломил Николаю сначала одну кисть, потом другую, так, что его пальцы как бы сами собой разжались.

Коля смотрел на него расширенными от страха глазами и даже не пытался снова схватиться за джинсы. Танин не спеша надел штаны и потянулся за майкой. Мужик, видя его намерения, схватил ее и спрятал за спиной. Женщины беспокойно зашептались. Танин протянул вперед руки и в упор посмотрел на мужика.

– Мне нужно одеться, – акцентируя каждое слово, произнес он.

Николай, словно загипнотизированный, вытащил из-за спины руку и подал майку Китайцу.

– Хороший мальчик, – похвалил его Китаец, забирая трикотажный комок.

«Мальчик», которому было по крайней мере пятьдесят, заморгал белесыми ресницами и шмыгнул носом, втягивая соплю. Из прихожей донесся стук нескольких пар башмаков.

– Сюда, сюда, – засуетилась грудастая дама в халате, выглядывая в холл. – Это я вам звонила.

Она отступила от двери, пропуская представителей власти.

Первым в спальню вошел молоденький крепколобый милиционер с короткоствольным автоматом и, отстранив бабульку, замер у двери, расставив ноги. На нем был шлем и бронежилет поверх форменного бушлата, который он время от времени поправлял, прижимая локтями к корпусу. Следом возник лейтенант. Держа пистолет Макарова в полусогнутой правой руке, он сделал несколько шагов в центр комнаты и взглянул на Китайца.

– Что здесь случилось? – В дверях остановился еще один милиционер, одетый так же, как и первый, только он был повыше ростом и с вытянутым лицом.

– Стреляли, – Китаец спокойно выдержал недолгий, но тяжелый взгляд лейтенанта и посмотрел вниз, туда, где лежало тело Светы.

Лейтенант тоже опустил голову.

– Да-да, стреляли, – вклинилась тетка в пестром халате, – я все расскажу. Мы спали, и вдруг трах-тарарах, мы за стенкой живем, нам все слышно. Правильно, Коля? – Она строго посмотрела на крепкого мужика в майке.

– Да, Люба, – кивнул он.

– Так вот, – продолжала тараторить тетка, – я только халат успела накинуть, – она дернула за отвороты халата, под которым колыхалась ее большая грудь. – Он признался, что стрелял... У него пистолет под пиджаком на стуле...

– Тихо, – сделав страдальческое лицо, остановил ее лейтенант и, подойдя к кровати, склонился над телом.

Через некоторое время он поднялся.

– Так, – обвел он глазами спальню, – что-то здесь слишком много народа. Гунин, – посмотрел он на стоящего в дверях милиционера с длинным лицом, – останутся эти двое, – он показал на даму в халате и ее мужа, – и этот гражданин, – он взглянул на Китайца, – остальные свободны. Запиши их адреса.

– Я тоже все слышала! – возмущенная тем, что ей не дали досмотреть представление до конца, воскликнула старушка.

– Мы вас обязательно пригласим, – отмахнулся от нее лейтенант. – Гунин, действуй.

– Выходим, гражданочки, поживее, – пригласил их на выход Гунин.

* * *

Через несколько минут все были рассортированы: старушку и даму с папильотками выпроводили восвояси, Коля и Люба сидели на кухне под наблюдением Гунина, а крутолобый мент стоял у дверей гостиной, куда переместились лейтенант и Китаец. Китаец оделся, забрал из спальни свои сигареты и курил, сидя на стуле рядом со столом. С другой стороны стола устроился лейтенант. Перед этим он связался по телефону с отделом и вызвал экспертов-криминалистов. После чего разложил на столе свои бумаги и приступил к опросу.

– Лейтенант Николаев Вадим Евгеньевич, – для начала представился он, как было положено по инструкции, и закашлялся.

Китаец молча кивнул.

– Фамилия? – продолжил лейтенант.

– Вот мои документы, – Китаец пододвинул лежащие на столе паспорт, лицензию частного детектива и разрешение на ношение оружия.

– Отвечайте, гражданин, когда вас спрашивают, – грозно произнес лейтенант.

Это тоже было по инструкции – чтобы человек, с которого снимают показания, сам говорил, как его зовут, где он живет и так далее, но в милицейской практике с этого нехитрого опроса начиналось давление на опрашиваемого с целью запугать и сломить волю. Однако на Китайца эти способы не действовали. Он был спокойным человеком, где-то даже флегматичным.

Чем спокойный, уравновешенный человек отличается от нервного? Спокойный предвидит события, которые могут с ним случиться, и поэтому, когда они происходят, он к ним готов, ему не приходится переживать, в отличие от раздражительного человека, которого любая мелочь легко выводит из себя только потому, что он не готов к этому.

Китаец представлял себе, чем может закончиться подобный опрос, поэтому и поднял с постели Игоря Бухмана – своего адвоката. Он был уже где-то поблизости. Бухман знал Уголовно-процессуальный кодекс, как хороший актер знает текст пьесы, и не раз выручал Китайца из щекотливых ситуаций. Поэтому Китаец невозмутимо ответил на вопрос лейтенанта. Впрочем, он остался бы невозмутимым и в том случае, если бы никто не спешил к нему на помощь.

– Танин, – он закинул ногу на ногу.

– Имя? – еще более грозно спросил лейтенант.

– Владимир.

– Отчество?

– Алексеевич. – Китаец затушил сигарету и вздохнул. После того как лейтенант выяснил и записал все остальные данные Танина, он перешел к собственно опросу. Но начал не с выяснения обстоятельств.

– Ну что, гражданин Танин, – сочувственно сказал он, – за что же ты ее?

Китаец понял, что лейтенант начинает «шить» ему дело. Он посмотрел в его большие синие глаза, блестящие в ожидании признания в убийстве, и отчетливо произнес:

– Вот что, лейтенант Николаев, – Китаец специально выбрал такую нейтральную форму обращения, чтобы до поры до времени не называть лейтенанта ни на «ты», ни на «вы», – я могу рассказать, как все произошло, если меня ни в чем не обвиняют. В противном случае нам придется подождать моего адвоката.

– Адвоката? – синие глаза лейтенанта, не привыкшего к таким закидонам, стали еще больше. – Какого еще адвоката?

– Он скоро придет и сам представится, – невозмутимо пояснил Китаец.

Не ожидавший такого поворота дела, пребывавший в полной уверенности, что он раскроет убийство по горячим следам, лейтенант замолчал и снова закашлялся. Он достал из

кармана бушлата, висевшего на спинке стула, пачку «Мальборо», вынул сигарету и небрежно кинул красно-белую пачку на стол – мол, знай наших. Это было круто.

Но он вдруг понял, что с наскока этого смуглолицего, излучавшего какую-то необъяснимую уверенность человека не возьмешь.

– Вы все-таки подумайте, – более мягко произнес лейтенант.

– Я уже подумал, – кивнул Китаец.

– Тогда говорите, – кивнул лейтенант, – что вас связывало с гражданкой... – он заглянул в свои записи. – ...Бондаренко Светланой Васильевной?

– Мы были любовниками, – чтобы расставить точки над *i*, заявил с ходу Танин.

– Угу, – кивнул лейтенант и закашлялся.

– Примерно в пять утра, – продолжил Танин, – я проснулся...

Рассказ занял несколько минут, после чего лейтенант начал задавать вопросы. Довольно толковые, как оценил Китаец. В это время в гостиную вошли два человека. Один был маленький, с большим пластиковым кейсом черного цвета. Другой – среднего роста, с фотокамерой.

– Где? – суперлаконично поинтересовался маленький, останавливаясь в дверях.

– В спальне, – кивнул лейтенант. – Ежиков, покажи, – обратился он к крутолобому.

«Криминалисты», – понял Китаец. Он остался в гостиной вдвоем с лейтенантом.

– Значит, вы стреляли три раза? – лейтенант еще раз повторил вопрос, который он уже задавал.

– Три, – подтвердил Китаец и потянулся за сигаретой.

Дверь в гостиную открылась, и в комнату, запыхавшись, ворвался Бухман. Его появление можно было сравнить с небольшим торнадо. Сквозь очки в тонкой позолоченной оправе он осмотрел комнату и ринулся к столу.

– Здравсте, – кивнул он лейтенанту. – Извини, мамуся, задержался, – это уже относилось к Танину.

– Я уж подумал, что ты снова заснул, – облегченно вздохнул Китаец.

– С тобой поспишь, как же, – хмыкнул Игорь и повернулся к лейтенанту. – Игорь Юрьевич Бухман, – представился он, – член коллегии адвокатов. Что инкриминируют моему клиенту? – Он склонил свою лысоватую голову к лейтенанту. – Я вижу, вы начали допрос незаконно. Вы обязаны были предоставить Владимиру Алексеевичу адвоката. Слава богу, я уже здесь. Я подам на вас жалобу в отдел внутренних расследований. Как ваша фамилия?

Лейтенант ошалел от такого напора и молча смотрел на Бухмана.

– Владимир Алексеевич, – продолжал шоу Бухман, – как с вами обращались? К вам не применяли грубую физическую силу? Я требую, чтобы мне предоставили десять минут, нет, пятнадцать, для общения с моим клиентом с глазу на глаз. – Он снова склонился к лейтенанту, пощипывая бороду, которая компенсировала ему растительность, отсутствующую на значительной части головы.

Лейтенант растерянно поднялся со стула и направился к двери. Спohватившись, он вернулся, забрал пистолет Танина, лежавший на столе, и вышел.

– Так что у тебя, мамуся? – шепотом проговорил Бухман, поправляя очки. – Ты убил ее? Ничего, мы тебя вытащим, не сомневайся.

– Кончай ломать комедию, Игорь, – осадил вжившегося в роль Бухмана Китаец, – никого я не убивал. Я с ней спал.

– Здесь, в этой квартире? – уточнил Игорь Юрьевич, поглаживая ладонью усы и бороду.

Танину пришлось повторить свой рассказ, теперь уже для адвоката. Они закурили.

– Так, мамуся, – Бухман почмокал губами, – у них ничего нет против тебя. Я заставлю их взять замок на экспертизу, дальше пусть отыщут все пули, выпущенные из твоего оружия, и сравнят их с другими, которыми стрелял преступник. Я прослежу, не беспокойся. Образцы твоих должны быть у них в отделе. Для ее мужа это будет, конечно, подарочек, – вздохнул

Игорь Юрьевич, – когда он вернется из командировки, но это уж его проблемы. Что-нибудь еще?

Бухман вопросительно посмотрел на Китайца сквозь стекла очков и, не дожидаясь ответа, махнул рукой:

– Ладно, по ходу дела сориентируюсь. Заходите, господин лейтенант, – крикнул он в сторону двери и хитро улыбнулся Китайцу.

Лейтенант вошел не сразу, а выдержав паузу. Бухман поднялся ему навстречу.

– Господин лейтенант, – торжественно заявил Бухман, – господин Танин был вынужден применить оружие, чтобы защитить свою жизнь. В него стреляли. У вас есть к нему какие-то претензии?

Лейтенант немного пришел в себя после первой атаки Бухмана.

– Я должен буду задержать Владимира Алексеевича, – не слишком уверенно произнес он.

– На каком основании? – тут же спросил Бухман.

– Для выяснения личности. – Это была стандартная фраза, и Игорь Юрьевич к ней был готов.

– Это не основание, – возразил он. – Во-первых, господин Танин предоставил вам все необходимые документы – вы можете позвонить и проверить их данные, во-вторых, личность господина Танина могу подтвердить я. Вам этого не достаточно?

Китаец, сидя у стола, исподтишка поглядывал то на одного, то на другого. Он понял, что Бухман одержал победу. Но лейтенант все еще не сдавался.

– Мы выпустим его, как только будут готовы результаты экспертизы, – глядя в пустое пространство, сказал он.

– Да вы что?! – воскликнул Бухман, трагически закатывая глаза. – На это вам понадобится, может быть, два или три рабочих дня. Сегодня пятница. Значит, господин Танин должен будет просидеть в клетке минимум до вторника. Нет, я не могу этого позволить. Проводите вашу экспертизу и, когда будет результат, вызовете Владимира Алексеевича повесткой. Это будет по закону. Учтите, любое ваше незаконное действие я могу обжаловать.

– Но... – попытался было возразить лейтенант, но Бухман не дал ему даже начать.

– Если хотите, – предложил он, – можете оформить подписку о невыезде.

Лейтенант знал, что начальство не одобрит, если он не доставит в отдел хотя бы кого-нибудь, на кого можно попытаться «повесить» дело, но этот лысый адвокат в очках может доставить ему еще больше неприятностей. Из двух зол, как известно, выбирают меньшее. И потом, этот худощавый, с немного раскосыми глазами человек, спокойно сидящий за столом, вызывал у лейтенанта невольное уважение.

– Ладно, – нехотя согласился он, присаживаясь к столу, – оформим подписку.

Глава 2

Выйдя во двор, Китаец с удовольствием вдохнул сырой утренний воздух, напрягая и расслабляя мышцы. Уже рассвело, и несколько собаководов вывели своих четвероногих друзей на утреннюю прогулку. Или это питомцы выгуливали своих хозяев?

– У тебя прямо талант, мамуся, влипать во всякие истории, – недовольно пробормотал Бухман.

– Как бы ты смог раскрыть свои способности, если бы я не давал тебе возможности это сделать? – усмехнулся Китаец. – Подбросишь меня домой?

Они направились к «Опелю» Игоря, который стоял на маленькой площадке в конце двора.

– А что мне остается делать? – шутливо вздохнул Бухман. – Самый дорогой адвокат Тарасова служит шофером у частного детектива.

– С меня причитается, – улыбнулся Китаец. – Это само собой, мамуся, – кивнул Бухман, хотя денег он с Китайца не брал.

Когда-то Китаец спас семью Игоря от «наездов» братков, начавших «прессовать» Игоря, так как были недовольны исходом одного процесса, и Бухман был Китайцу за это очень благодарен. Танин в силу своей профессии действительно частенько попадал в нестандартные ситуации, и тогда ему на помощь приходил Игорь. Они даже подружились. Впрочем, время от времени Бухман не отказывался от ужина в ресторане за счет Китайца, но что такое даже очень дорогой ужин по сравнению с гонорами Бухмана!

Они сели в машину, и Бухман запустил двигатель.

– Что думаешь делать? – посмотрел он на Китайца, трогаясь с места.

– Ты завтракал? – вопросом на вопрос ответил Китаец.

– Издеваешься, да? – усмехнулся Игорь. – Я даже зубы не успел почистить.

– Сейчас я угощу тебя какао и яичницей, – мечтательно улыбнулся Танин, доставая сигарету и закуривая. – Ты любишь глазунью или омлет?

– Ты не ответил на мой вопрос, – настаивал Бухман. – Ты собираешься что-нибудь предпринять?

– А что я должен предпринять? – пожал плечами Танин, опуская стекло.

– Ну не знаю. – Бухман достал из кармана пачку «Парламента». – Кто-то же стрелял в тебя...

Китаец помолчал немного. Он уже думал об этом, пока общался с героическими соседями и недоверчивым лейтенантом.

– Я оказался в этой квартире случайно, – после паузы угрюмо сказал он, – так что пули предназначались, скорее всего, Светлане.

– Но я так понимаю, мамуся, что вполне могли пристрелить и тебя?

– Могли...

– А зачем убили ее? И кто стрелял? Ты не знаешь?

– Ты задаешь слишком много вопросов, – поморщился Китаец.

– А как мне не задавать вопросов? – вскипел Бухман. – Мне же потом расхлебывать!

– Ты насчет похорон? – мрачно пошутил Китаец.

– Вот еще! – взмахнул рукой Бухман. – Я насчет таких вот подъемов ни свет ни заря.

Пришьешь кого-нибудь, а мне голову ломать, как тебя вытаскивать.

Китаец видел, что Бухман еле сдерживается, чтобы не расхохотаться.

– Не пойму, – нехотя сказал Танин, – что ты мне предлагаешь?

– Обо всем позаботиться заранее, – с тяжелым вздохом произнес Бухман.

– Каким же образом?

– Выяснить диспозиции. А, черт, что я говорю! Нет, Китаец, так рано подниматься с постели... Это неблагоприятно влияет на способность соображать, – Бухман с досадой покачал головой.

– Да, Игорь, ты сегодня, скажем мягко, возбужденный. Я, конечно, понимаю: напор, игра, артистизм и все такое, но... – Китаец тихо засмеялся. – Ты этого лейтенанта ошарашил!

– А с ними, мамуся, по-другому нельзя, – улыбнулся Бухман, – если их не ошарашишь, они не только на твоего суперневинного клиента убийство повесить могут, но и какой-нибудь угон самолета пришьют. Хваткие ребята!

– В любом случае ты меня выручил... Большое тебе спасибо! – искренне поблагодарил Китаец.

– Работа, мамуся, – расплылся в сладкой улыбке Бухман. – Анна-то как?

Китаец недовольно поморщился:

– Тебе непременно сейчас надо об этом спрашивать?

– А что? – неодобрительно скосил Бухман глаза на Танина.

– Главнее нам покой? – подковырнул он Китайца.

– Если ты насчет Светланы, – отвел Китаец глаза, – Анна в курсе, что я иногда сплю с другими женщинами.

– Не понимаю я вас... – качнул головой Бухман. – Если бы моя Лара про меня такое узнала...

Он рассмеялся.

– А я не понимаю тех людей, которые втайне изменяют, – громко, словно это задевало его за живое, сказал Китаец, – уж лучше делать это открыто!

– Ага, – насмешливо посмотрел на Китайца Бухман, – полночи – с одной, полночи – с другой.

Он рассмеялся в бороду.

– Я не об этом, а о том, что очень редко кто не изменяет. Но хуже всего, когда изменить хотят, да боятся. Вот такую добродетель, которая веревкой душит тебя, я, прости, не понимаю, – нетерпеливо высказался Китаец.

– Ты проповедуешь моральный кодекс Донжуана, – усмехнулся Бухман.

– Скорее, аморальный, – пошутил Танин. – Поверь, Игорь, я давно понял, что я и кто я. Понял и избрал для себя оптимальный вариант поведения с женщинами.

– Да уж, оптимальный! – невесело усмехнулся Бухман.

– Я и сам виню себя в смерти Светы, хотя не знаю, в чем состоит моя вина, кроме того, что я спал с ней, – вздохнул Китаец.

– Нет, понятно, жена бизнесмена, – начал размышлять вслух Бухман. – Ну, допустим, муж ее в чем-то замешан, а ее-то зачем убивать?

– Сам не пойму. Но ясно одно: за нами, вернее, за ней следили. У преступника был ключ от квартиры. Отмычку я бы услышал. Не исключено, что этот стрелок или те, кто с ним заодно, раньше проникали в квартиру. Не исключая также, что в квартире были установлены «жучки». Хотя... – Танин пожал плечами.

– Да-а, – одновременно сочувственно и неодобрительно протянул Бухман, – расслабился ты, мамуся.

«Опель» въехал во двор, образованный тремя «сталинками», и затормозил у первого подъезда самой высокой из них, рядом с красивым мощным джипом. О его мощности можно было судить даже по обводам; они были в меру плавными, и в них чувствовалась скрытая сила.

Джип был не слишком большим и не очень маленьким. С хромированными дугами безопасности спереди, с блестящими трубами по бокам, на которых крепились подножки, и трубами потоньше на крыше, которые могли использоваться в качестве багажника, на них же были

закреплены четыре галогенные фары. Китаец купил его в Москве, когда продал квартиру отца после его смерти. Это был корейский джип «Массо»; удобный, маневренный и скоростной.

– Красавец, – восхищенно воскликнул Бухман, – кивая на джип. – Что ты ходишь пешком, когда у тебя такая тачка под дождем мокнет?

– Иногда удобнее не иметь машины. – Китаец выскочил на улицу.

Дворник угрюмо долбил ломом мокрый ледяной настил. На детской площадке весело бегали пудель и ризеншнауцер. Оба хозяина – парень в красной спортивной куртке и пожилой мужчина, одетый в потертое пальто, – молча наблюдали за игрой своих четвероногих друзей. Вскоре к породистым собратам присоединилась громогласная беспризорница – довольно большая черная собака, прижившаяся во дворе.

Китаец смотрел на розовые стены своего жилища, на голые ветки деревьев, на дрожащие капли, стекавшие по ним, на кучи оледеневшего снега, на скользкий лед под ногами и... не узнавал. Впечатление чуждости и полусонной отрешенности было так велико, что он поспешно перевел взгляд на копящегося в салоне Бухмана, словно последний был единственным гарантом того, что у этого утра есть число, что оно занимает определенное место среди понедельников, вторников и сред.

– Пятница... – прошептал Китаец и глубоко вдохнул влажный туман закипающего капелью мартовского утра. Память с услужливой жестокостью рисовала ему несколько предыдущих дней. Он готовит кофе на кухне, приносит в постель, поцелуями будит Свету, та, не открывая глаз, улыбается, потягивается, едва не выбивая у него поднос из рук. Заставляет его опустить поднос на тумбочку, обвивает его шею горячими руками... Черт! Китаец сделал над собой усилие и прогнал это мучительное воспоминание.

– Иду, иду, – вылезаящий из «Опеля» Бухман поймал нетерпеливый взгляд Китайца.

Они поднялись на третий этаж. Китаец отпер дверь.

– Ох-ха-ха! – издал радостный возглас Бухман, – хорошо жить одному. Никто тебе на нервы не действует, хочешь – лежи, хочешь – читай, хочешь – в ванне отдыхай. И никто под дверь не стоит и не требует дать ответ, когда ты выйдешь. А пыли, пыли-то!

Игорь вслед за Китайцем вошел в гостиную и опустил кейс на кресло. Китаец молча открыл бар, достал бутылку «Дербента», принес с кухни две пузатые рюмки и тарелку с лимоном. Поставил на журнальный столик.

– Какого года лимончик будет? – усмехнулся Бухман.

– Не бойся, не отравишься. – Танин отложил на край тарелки менее засохшие ломтики. – Вот, это тебе.

– Спасибо, конечно, мамуся, только не пойму, что ты Анну не позовешь, пожилы бы вместе...

– Слушай, мне этих разговоров и без тебя хватает! – возразил Китаец. – Ты как женщина – все-то тебе обустроить нужно. Давай лучше выпьем.

– За исход! – Бухман облизнул свои сочные губы и лукаво улыбнулся. – С таким тостом можно в любую компанию.

– Это верно, – тонко улыбнувшись, Китаец поднял рюмку.

Погрев немного коньяк в ладонях, они выпили.

– Хорош коньячок, – удовлетворенно крякнул Бухман, – я вот на днях в «Крымских винах» «Приз» пил – ни в какое сравнение с «Дербентом» не идет.

– А теперь я тебя ненадолго оставлю. – Китаец поднялся. – Пришел час сдержать обещание.

– Давай еще по одной махнем, – улыбнулся глазами Бухман.

Они выпили еще граммов по пятьдесят, и Китаец отправился готовить омлет и варить какао. Но Бухману, очевидно, скучно было сидеть в гостиной одному, и он приковылял на кухню.

– А это что за патриарх? – показал он глазами на висящий портрет Фу Си. – Хитрый такой, видать... Бровки так и играют. Весь в тебя, – пошутил он.

– Фу Си, – нехотя процедил Китаец, взбивая яйца.

– Ты вот говоришь: Фу Си, и все. Как будто это что-то мне объясняет, – с наигранной обидой сказал Бухман. – Вот, например, у наших были и Авраам, и Исаак, и Иаков – это понятно. Это сейчас в школе проходят. А Фу Си... Кто таков, где жил, что делал?

– Первый китайский император, – бросил Китаец, – третье тысячелетие до нашей эры. Первым начал изучать «все вещи на небе и на земле». Изучал астрономию, движение Солнца, планет и звезд, изучал почву – какая больше подходит для земледелия. Изучал погоду, приливы и отливы, регулярную смену времен года. Наряду с этим увлекался естественной историей, знал языки птиц и зверей. Создал восемь триграмм.

– Что мне у вас, у китайцев, нравится, так это то, что ваши императоры учеными и просвещенными были. Не то что здешние, нынешние... – меланхолично заметил Бухман.

– Не все были такими. – Танин принялся раскладывать омлет по тарелкам. – Вот, например, Цинь Ши-хуан, первый император династии Цинь, объединивший шесть других царств, которые существовали на территории страны, чтобы укрепить и увековечить буквально образом свою династию, прибегнул к репрессивным мерам. Искоренял всяческую ученость, чтобы народ жил в невежестве и покорности. Приказал даже закопать заживо всех ученых, разыскать и уничтожить все литературные и философские труды. Не тронул только «И-Цзин». Потому что он нужен был ему и его сановникам для предсказания будущего и управления государством.

– Но все-таки сам-то он просвещенным был, – возражал Бухман.

Китаец достал с полки котелок, в котором обычно варил какао. Увидев эту грязную посудину, Бухман пришел в состояние чрезмерного возбуждения.

– Это ты в этом котле готовить какао собираешься? – он покатился со смеху. – Не-ет, Китаец, тебе определенно нужна женщина. Ты его хоть моешь иногда?

– Три раза в год. – Китаец слабо улыбнулся.

Услышав такой точный и серьезный ответ, Бухман захохотал еще самозабвеннее.

Котелок и впрямь чистотой не блистал. Его объем из-за накипи и засохших по стенкам пленок уменьшился до двух чашек.

Китаец считал, что все дело в этих пленках. Они придавали напитку особый, можно сказать, первозданный и неповторимый вкус. Он называл это чудо «два в одном», или «какао в какао». Бухман был незнаком с подобным взглядом на вещи, поэтому вид грязного котелка не вызвал у него ничего, кроме брезгливого отвращения и колких смеха.

– Ты попробуй, – улыбался Китаец, – сам оценишь.

Водрузив котелок на огонь, он принялся помешивать молоко и растворенный в нем порошок.

– Нет, Танин... – устав смеяться, с наигранным сокрушением покачал головой Бухман, – женщина тебе все-таки нужна.

– Ты как заезженная пластинка, – усмехнулся Китаец.

– О! – воскликнул Бухман. – Я придумал, чем тебе заниматься! Гаданием на твоей «И-Цзин». А что, дай объявление. Помещение у тебя есть. Кстати, – уминая омлет, ухитрился болтать без умолку Бухман, – та запертая на ключ комната... Что у тебя там? Тростник, татами? Признавайся, мамуся!

Бухман снова расхохотался.

– Вещи отца и тетки, – с достоинством ответил Китаец. – Книги, бумаги...

– Великий человек был твой отец, – причмокивал Бухман, – такого специалиста не оценили! Сколько он в Китае прожил?

– Семь лет, а потом еще приезжал, когда в Москве поселился.

– Да, мамуся, – вздохнул Бухман, – а ты не хочешь какому-нибудь культурному или научному ведомству продать кое-что из бумаг профессора? – хитро сощурил свои миндалевидные глаза Бухман. – Могу поспособствовать...

Китаец с молчаливым неодобрением посмотрел на друга.

– Ладно, ладно, – поднял Игорь вверх обе руки, – сдаюсь. Вас, китайцев, не поймешь... Скрытные вы какие-то. Какими мотивами руководствуетесь? Вот ты какого черта ушел из журналистики? Да еще сюда, в Тарасов, переехал. Из-за квартиры, что ли, этой?

– Приехал на теткин похороны и остался, – с упрямым выражением лица сказал Китаец, – и потом, не люблю, когда мной командуют. Не могу и не хочу ни от кого зависеть, – твердо произнес он.

– Наверное, женщины тебя за твою замкнутость и непредсказуемость и любят, за эту твою чертову независимость, – выразительно вздохнул Бухман, – умеешь ты таинственности напустить. Да я не завидую... Я и сам...

Бухман хихикнул.

– А ты не думал подрабатывать психологом-консультантом по вопросам взаимоотношения полов? – в тон ему едко пошутил Китаец.

Бухман загоготал:

– Я еще коньячку, мамуся, ладно? Прежде чем твоего «два в одном» попробуем, – он лукаво улыбнулся, вскочил и с резвостью школьника побежал в гостиную.

Вернулся с бутылкой «Дербента» и рюмками.

– Прости, мамуся, лимон замшелый твой не прихватил, – Бухман плюхнулся на кухонный диванчик, который оказался не таким мягким, как бы того хотелось Игорю.

– Забыл, что эта сволочь жесткая такая! – Он потер ягодицы, налил в обе рюмки коньяку. – Давай-ка приложимся.

Они выпили и принялись смаковать какао.

– Неплохо, – облизнул губы Бухман, качая головой, как заправский гурман, – очень даже неплохо, мамуся.

– А я что тебе говорил! – улыбнулся Китаец.

– Я вот что, мамуся, думаю... – Поделиться своей думой Бухману не дал телефонный звонок. – Наверное, Ли Зи, – шутивно, в китайской манере, назвал он секретаршу Танина.

Китаец снял трубку с висевшего на стене аппарата и услышал Лизино хныканье.

– Я тебе все утро звоню, где ты был?

– Что-нибудь случилось? – равнодушно поинтересовался Китаец.

– Ты за аренду думаешь платить? – плаксиво спросила Лиза.

– Думаю.

– Это нужно сделать сегодня.

– И как давно ты мне звонишь?

– Я тебе звоню со вчерашнего вечера. Я здесь недалеко, у подруги.

– Ну тогда приходи завтракать, как раз и обсудим наше финансовое положение, – невозмутимо произнес Китаец.

– Завтракать? – удивилась Лиза.

Дело в том, что Китаец остерегался пускать открыто симпатизировавшую ему Лизу к себе домой. Мотив был один – не дать Лизе окопаться в его квартире. Лиза была девушкой смелой и экспансивной, заботливой и горячней, а потому, думал Китаец, стоит ей попасть к нему, она сразу начнет наводить порядок, копать в книгах, бумагах, вытирать пыль, чистить котелок и так далее.

У Лизы был свой взгляд на происходящее. Она считала, что Китайца беспокоит общественное, то бишь соседское мнение, а также мнение его постоянной подруги Анны. Поэтому приглашение Китайца на завтрак повергло ее сначала в недоумение, а потом – в сладостное

волнение. Она уже готова была простить ему его ночные отлучки, равнодушие к офисным делам, забывчивость, менторский тон, который у него прорезался всякий раз, когда Лиза позволяла себе дерзить или прозрачно намекать на то, как было бы хорошо им обоим... вдвоем...

– Ладно, – в счастливом замешательстве промямлила она.

Китаец повесил трубку, а Бухман продолжил прерванный разговор.

– Я тебя хотел спросить. Это твоей любовницы, что ли, квартира, где вы с ней... – Игорь кашлянул.

– Она сказала, что от матери досталась.

– А сама она с мужем, надо понимать, где-то еще живет, – допил какао Бухман и вновь обратил свое пристальное внимание на коньяк.

– Если судить по канонам, принятым у богачей, то квартира... да ты сам был в ней... довольно скромная.

– Ну-у, обставлена она неплохо, люксово, можно даже сказать, – со знанием дела сказал Бухман. – Я, конечно, понимаю, что для тебя это не имело значения, но ты же, в конце концов, детектив, на все должен обращать внимание.

– Спасибо, что напомнил мне, – иронично взглянул на Игоря Китаец.

– А муж, значит, у нее в командировке... – задумался Бухман.

– Надеюсь, что он еще не приехал, – мрачно сказал Китаец.

– Думаешь, что его тоже... – Бухман понимающе посмотрел на друга.

В этот момент в прихожей защелкнулся звонок.

– Ли Зи? – лукаво улыбнулся Бухман.

– Она самая, – Китаец пошел открывать.

– Какой у тебя милый звоночек... – Лиза во всем блеске своей молодости стояла на пороге и застенчиво улыбалась.

Стройная, с лицом, утопающим в светлых кудряшках, с высоким выпуклым лбом, живыми синими глазами... Китаец невольно залюбовался, чем окончательно смутил это очаровательное создание.

– Что-то не так? – обеспокоенно спросила она.

– Ты хороша, как мандариновое дерево в цвету, – изрек он. – Проходи, у меня в гостях мамуся.

Нужно было видеть, как погас счастливый Лизин взор. «Вот почему он меня пригласил, он не один», – горько подумала она, но тут же забыла о своем огорчении, потому что ей было приятно даже просто видеть своего галантного начальника.

– Вот как? – Ее брови взметнулись ввысь, во взгляде появилась тревога. – С тобой что-нибудь случилось?

– Как видишь – нет, – соврал Китаец, разведя руками, мол, вот я, все в порядке.

– Так я тебе и поверила. – Лиза расстегнула короткое пальто-разлетайку, которое Китаец помог ей снять и повесить на вешалку, скинула изящные замшевые ботики и направилась на кухню.

– Привет, Ли Зи, – Бухман немного неуклюже привстал и, поймав Лизину руку, чмокнул ее.

– Да-а, – Лиза встала посреди кухни, уперев кулачки в бедра, – вижу, что-то не так. Ну-ка, мальчишки, колитесь, что у вас произошло?

Китаец молча обошел ее, придерживая за талию, и сел к другому краю стола.

– Хочешь выпить? – он поднял на Лизу невинный взгляд.

– Фу, коньяк, – поморщилась она, заметив на столе бутылку «Дербента».

– Я знаю, ты любишь шампанское, – с сожалением произнес Китаец, – но чем богаты, как говорится.

– Не сбивай меня с толку, Танин, колись, все равно ведь я узнаю.

– Все равно узнает, – Китаец посмотрел на Бухмана.

– Все равно узнает, – Игорь пожал плечами.

– Ладно, – махнул рукой Китаец, – ты ведь моя секретарша, тебе положено знать обо всем, что касается моей работы. Я буду говорить, а ты пока свари себе какао. Хорошо?

Увидев котелок, Лиза презрительно повела носиком, но в предвкушении чего-то интересенького перечить не стала. И вообще, она была замечательной секретаршей: на работу приходила по возможности вовремя, в бумагах и в компьютерных файлах у нее всегда был полный порядок, она напоминала своему шефу, когда наступали сроки очередных платежей за газ, за электричество и за телефон. Кроме этого, она являлась лицом фирмы, как говорил Китаец, потому что всегда модно одевалась, хотя и от природы выглядела весьма эффектно.

Танин плеснул себе коньяку и изложил суть произошедшего. Опуская, естественно, незначительные подробности, которые могли бы ранить Лизину душу. Но Лиза сделала из вышеизложенного только один вывод.

– Значит, ты спал с ней, – заключила она.

– Ну-у, понимаешь, Лиза, – нехотя протянул Китаец, доставая сигарету, – мужчины и женщины иногда делают это. Не веришь, спроси у Игоря.

– Я не об этом, Танин, – Лиза поджала губки, – и ты прекрасно это понимаешь.

– Допустим, – согласился Китаец, – и что же мне теперь делать?

– Ничего, – огрызнулась Лиза, поставленная в тупик.

Она хоть и очутилась в трудной ситуации, но сдаваться не собиралась.

– Между прочим, – решила она отыгаться на другом, – сегодня десятое число.

– В каждом месяце есть десятое число. – Китаец был невозмутим, хотя и знал, что это было последним сроком обязательных платежей.

– Хочу поставить тебя в известность, – заявила Лиза, что на нашем счете денег осталось на одну канистру бензина для твоего джипа.

– Значит, еще немного можно поехать. – Китаец насмешливо взглянул на Лизу. – Поступлений ниоткуда не предвидится?

– Хм, – усмехнулась она, – если только продать твою квартиру или джип.

– А что? – Танин наморщил лоб. – Это идея. Сколько, ты думаешь, я могу за него выручить? – Он посмотрел на Бухмана, который задремал, облокотившись на стол. – Игорь Юрьевич! – Китаец повысил голос.

– Что? Что? – Бухман заморгал глазами.

– Сколько мне дадут за мой «Массо»?

– Ты что, мамуся, хочешь продать свою тачку? – недоверчиво посмотрел на него Бухман.

– Угу, – кивнул Китаец, – все равно я им почти не пользуюсь.

– Не вздумай, – решительно сказала Лиза, не ожидавшая такого поворота разговора, – как-нибудь прорвемся.

– Так сколько? – не обращая внимания на ее возгласы, Китаец уставился на Игоря.

– Игорь Юрьевич, не слушайте его, – торопливо проговорила Лиза и повернулась к шефу:

– Если ты продашь машину, считай, что я у тебя не работаю.

Она выбежала из кухни, с силой захлопнув за собой дверь.

– Тебе че, деньги, что ли, нужны? – понизил голос Бухман. – Сколько?

– Налоги, коммунальные платежи, зарплата Бедной Лизе... – начал перечислять Китаец, но Бухман, сделав недовольное лицо, прервал его:

– И из-за такой ерунды, мамуся, ты собрался продавать «Массо»? Да такая тачка одна во всем Тарасове.

Китаец пожал плечами.

– Погоди-ка, – сказал Бухман и вышел на минуту в гостиную, откуда вернулся со своим кейсом, – со мной вчера вечером один клиент рассчитался на дому. Держи.

Он достал из «дипломата» две банковские упаковки пятисотрублевых и бросил их на стол.

– Если будет мало, – добавил он, – звякни мне в контору, что-нибудь придумаем.

– Но...

– Отдашь, когда разбогатеешь, – перебил его Бухман.

– Ну, я пошел, мамуся, уже полдевятого – меня клиенты ждут.

– Спасибо, Игорь, – Китаец взял деньги и сунул в боковой карман пиджака.

– Чао, Ли Зи, – Бухман заглянул в гостиную, где сидела Лиза, и, надев свой шикарный, привезенный из Италии пуховик, вышел из квартиры.

Китаец прошел в ванную, разделся и встал под душ. Тугие струи, врезаясь в его тренированное тело, смывали напряжение и усталость. После душа он почистил зубы, побрился, протер лицо лосьоном и, накинув халат, прошел в спальню. Там надел свежее белье и закурил, раскинувшись на неразобранной кровати.

«Светлана сказала, – вспомнил он, – что ее муж завтра прилетает из Москвы. Надо бы встретиться с ним».

Он бросил окурочек в пепельницу, стоящую на полу рядом с кроватью, полежал еще несколько минут, расслабляя каждую мышцу, и, пружинисто поднявшись, направился в гостиную.

Лиза сидела на кресле перед телевизором и шелкала пультом, переключаясь с канала на канал.

– Поехали, – сказал он ей, – на работу пора.

– Вспомнил наконец-то о работе, – ехидно заметила Лиза, но послушно поднялась и, выключив телевизор, направилась к двери.

Они молча оделись и вышли во двор.

Глава 3

– Прошу, – Китаец открыл дверцу «Массо» и помог Лизе забраться в машину.

Через несколько минут «Массо» остановился на широкой улице напротив старого одноэтажного дома, в котором лет сто назад обитал какой-нибудь отставной поручик. Почему именно поручик? – можете спросить вы. Да просто Китайцу нравилось думать именно так. Одно время он арендовал это старое благородное строение. Это был еще крепкий дом со слегка покосившимися оконными и дверными косяками, которые Китаец не стал менять после покупки дома. Во-первых, потому что после оплаты счетов на капитальный ремонт не оставалось денег, а во-вторых, и это было, пожалуй, определяющим, ему хотелось сохранить ауру этого дома, такую живую и легкую. Впрочем, небольшой косметический ремонт сделать все же пришлось: он заменил электропроводку, старые обои, покрасил полы и сделал еще кое-какие доработки.

В доме было две комнаты. Одну из них занимала Лиза, вторая служила ему кабинетом. Кроме того, что Китайцу нравились скрипучие, обитые вытертой кожей двери, у дома было еще одно или даже два несомненных достоинства: он находился почти в самом центре и был неприметным в ряду похожих на него домов. На противоположной стороне улицы уже давно возвышались современные девятиэтажки, а эта сторона оказалась как бы забытой строителями.

Китаец отпер дверь своим ключом, отключил сигнализацию и через приемную прошел к себе в кабинет. Снял куртку, повесил ее на спинку кресла и, расстегнув пиджак, сел за стол. В голову лезли мысли о Светлане, о том, какой она была... Он только успел закурить, как в комнату вошла Лиза и нерешительно остановилась у двери.

– Что? – Китаец с грустью посмотрел на нее.

– Танин, – вздохнула она, – сегодня десятое...

– Кажется, ты мне об этом уже говорила, – задумчиво произнес он.

– А что толку-то? – невесело усмехнулась она. – Вообще-то это твое дело.

– Черт, – он чуть не хлопнул себя по лбу, – ну конечно, мое.

Он полез в карман и выложил на стол пачку пятисотрублевков.

– Вот, – он хитро посмотрел на Лизу.

– Танин, ты кого-то ограбил, да?

– Подготовь все платежки и можешь идти, – сосредоточенно сказал Китаец.

– У меня уже давно все готово, – улыбнулась она и, забрав деньги, собралась уйти.

– Да, вот еще что, – остановил он ее, – Роман Бондаренко, гендиректор ОАО «Тарасовспирт». Мне нужно с ним встретиться. Найди номер его телефона, узнай его отчество и когда он сможет меня принять. Запомнила?

– Бондаренко, «Тарасовспирт», – повторила Лиза.

– Выясни, бывает ли он на рабочем месте по субботам, – добавил Китаец, – он только завтра должен прилететь из командировки.

– Будет сделано, – отрапортовала Лиза и вышла, закрыв за собой дверь.

Китаец еще не решил, о чем конкретно он будет говорить с Бондаренко. Пока нужно было просто оценить ситуацию. «Интересно, – думал он, удобно устроившись в кресле, – кто и зачем убил жену Бондаренко?» Пока ему ясно было одно: работали люди серьезные, не любители. Тот, кто убил Светлану, действовал профессионально, а профессионалы стоят дорого. Только мгновенная реакция Китайца спасла его от неминуемой смерти. Жаль, что не удалось спасти и Светлану. «Хватит, – осадил он себя, – сожалениями все равно ее не вернешь».

Он расслабился и сделал несколько дыхательных упражнений.

«Насколько я знаю, – продолжал он рассуждать, почувствовав прилив сил, – ей никто не угрожал, угрожали ее мужу, если то, что она говорила мне, – правда». Что-то подсказывало

ему, что Светлана неспроста завела тот разговор, во всяком случае, не только для того, чтобы заинтриговать Китайца. За этим что-то скрывалось. Он принялся вспоминать детали разговора. Кому-то очень хотелось, чтобы Роман Бондаренко оставил свое место. Для чего? Может быть, чтобы посадить на него своего человека? Более сговорчивого? Или более благодарного?

Бондаренко, судя по всему, не уволился. Значит, его жену убили, чтобы он быстрее соображал? Не слишком ли сильное предупреждение? И такое явное.

Китаец закурил и пододвинул поближе к себе латунную пепельницу с инкрустацией. Он снова напряг память.

«Нет, – понял он наконец, – ее убили не для того, чтобы запугать мужа. Она что-то знала. Знала такое, за что можно было поплатиться жизнью. Так, это уже ближе. Давай еще раз. Роман Бондаренко кого-то не устраивает, но он что-то знает об этих людях и сообщает об этом жене, чтобы подстраховаться. Они тоже в курсе этого. Если они убьют его, жена выступит с разоблачением. Тогда они убивают жену... Но ведь это опасно. Теперь Роман Бондаренко должен пойти до конца, то есть выложить все карты, разоблачить тех, кто на него давил. Но он сейчас далеко и еще не знает о гибели своей жены. А вот когда он приедет...»

– Лиза! – крикнул Китаец и, поднявшись, направился в приемную.

Она разговаривала по телефону.

– Спасибо, – сказала она в трубку и положила ее на аппарат.

– Постарайся выяснить, каким рейсом прилетает Бондаренко, – попросил Танин.

– Я только что говорила с его секретаршей, довольно милая особа, – улыбнулась Лиза. –

Бондаренко уже прилетел. Вчера. А сегодня он обещал появиться на работе. Но пока его нет на месте.

– Вчера? – удивился Китаец. – Не может быть!

– Почему? – озадаченно спросила Лиза. Она привыкла к тому, что ее шеф спокоен до флегматичности, поэтому малейшее проявление с его стороны каких-либо эмоций приводило ее в замешательство. Словно она внезапно обнаруживала, что Танин имеет что-то общее с родом человеческим и конкретно с ней.

– Потому что... – Китаец задумался.

– Танин... – жалобно заныла Лиза, но Китаец не дал ей договорить.

Он метнулся в кабинет, набросил пуховик и выскочил на улицу, не закрыв за собой дверь.

– Я позвоню. Оформляй платежки, – бросил он ошарашенной секретарше.

– Танин, – она нагнала его возле джипа, – что случилось?

– Иди в дом, – строго сказал он, – простудишься! Я позвоню.

Лиза неохотно вернулась в приемную. Он сел в джип и, плавно стартанув с места, выехал на Московскую. По окнам «Массо» забил мокрый снег. Китаец включил дворники. Он исправно останавливался на светофорах, но ему казалось, что каждая такая остановка уносит по крупицам чью-то жизнь. Его восприятие обострилось. Он был весь напряжен и собран.

Минут через десять он въехал на стоянку перед большим бетонным зданием. Миновав дежурную, взлетел на четвертый этаж. Сил дожидаться лифта у Танина не было. Пробежав по коридору, освещенному тусклым утром, он нашел дверь с табличкой: «Генеральный директор Бондаренко Роман Сергеевич» – и, забыв постучать, влетел в приемную.

Огромная комната встретила его напряженным молчанием. Несколько человек, ожидавших Бондаренко, удивленно уставились на него. Китаец прошел по зеленому ковру вдоль стола до того места, где сидела секретарша. На стоящем перпендикулярно этому отполированному колоссу столе возвышался компьютер. Секретарша, молодая особа с гладкими каштановыми волосами до плеч, разделенными на прямой пробор, и зелеными глазами озадаченно смотрела на Китайца. Она словно потеряла дар речи и заговорила только тогда, когда, с нервной быстротой наклонившись к ней, Китаец прошептал:

– Добрый день. Вам только что звонила мой секретарь. Моя фамилия – Танин, я – частный детектив...

При упоминании рода деятельности Танина зеленые, умело подведенные глаза девушки расширились то ли от испуга, то ли от удивления. Да и вообще, как отметил про себя Китаец, в лице шатенки было что-то ланье, испуганно-настороженное. А тут еще он со своим решительным демаршем!

– ...Мне срочно нужен адрес Бондаренко, – выпалил Китаец, чем еще больше озадачил девушку.

Она не отрываясь смотрела на него, как будто с трудом вникала в смысл сказанного.

– Вы меня поняли? – решил Китаец привести ее в чувство.

Китаец знал, что женская интуиция порой стоит любого мужского расчета и холодной прикидки. Он видел, что секретарше передалось то лихорадочное напряжение, которое руководило его мыслями и движениями. Она резко встала и, окинув ожидавших ее шефа солидных мужчин быстрым взглядом, сказала:

– Одну минутку. – При этом секретарша виновато улыбнулась и последовала за Таниным, который уже повернулся и направился к двери.

Когда они оказались в коридоре, он внушительно посмотрел на нее и повторил сказанное. Секретарша смущенно пожала плечами.

– Но на каком основании? – растерянно спросила она.

– Простите, как вас зовут?

– Ольга Ивановна, – ответила она, глядя на Китайца округленными глазами.

– Так вот, Ольга Ивановна, вашему шефу угрожает серьезная опасность, – убежденно произнес он.

– Опасность? – захлопала она ресницами.

– Да. Мне срочно нужен его адрес.

– Может, вам обратиться к Михаилу Станиславовичу? – неуверенно предложила она.

– К какому Михаилу Станиславовичу?

– Заму Романа Сергеевича, – несколько расслабилась секретарша, испытывавшая видимое облегчение от того, что появилась некая фигура, которая может взять на себя ответственность в этом щекотливом вопросе.

– Давайте зама, – вздохнул Китаец.

– А Михаил Станиславович еще не подошел... – снова сникла Ольга Ивановна.

– Где же он с утра шляется? – с язвительной иронией поинтересовался Китаец, которому надоело терять время.

– У него деловая встреча, – уклончиво сказала секретарша.

– Послушайте, Оля, – отважился на фамильярность Китаец, – возможно, что вашего ше...

– Хорошо, – произнесла она дрожащим голосом, – дайте ваше удостоверение.

Китаец протянул ей лицензию. Она внимательно изучила ее.

– Запомнили? – с усмешкой спросил он. Ольга по-детски застенчиво улыбнулась и кивнула. Ее взгляд потеплел, но в глубине глаз по-прежнему таилась настороженность.

– Пушкина, десять, квартира тринадцать, – сдавленно прошептала она, словно открывала Китайцу военную тайну.

– И еще, – Китаец со слабой улыбкой посмотрел на выбитую из колеи секретаршу, – мне нужен ваш телефон.

– Мой? – недоуменно взглянула на него Ольга Ивановна и смущенно улыбнулась.

Она уже было хотела открыть рот, но Китаец с холодной деловитостью уточнил:

– Телефон офиса. – Улыбка, едва нарисовавшаяся на чувственно-рельефных губах Ольги Ивановны, растаяла, как облако.

С отчужденным видом она продиктовала Китайцу телефоны офиса.

– Вы чем сегодня вечером занимаетесь? – неожиданно спросил Танин.

– Ничем, – отвела глаза Ольга Ивановна.

– В любом случае я сегодня вам позвоню сюда. Вы до которого часа будете в конторе?

– До половины седьмого.

– И не прячьте своих бесподобных глаз. – Китаец тонко улыбнулся, ни секунды не сомневаясь в том, что личные контакты бывают весьма полезными в работе частного детектива.

– Спасибо.

Он деликатно приложился губами к ее влажной ручке, на безымянном пальце которой сверкнул прозрачный аметист.

Она руки не убрала. Только в знак смущения заложила свободную руку за лацкан бирюзового пиджака.

Танин не знал, как сложится ситуация, как повернется дело, а Ольга Ивановна, возможно, могла бы просветить его насчет каких-нибудь ценных деталей.

Сев за руль, Китаец выехал со стоянки и направился в центр. Улицы были запружены людьми и авто. Словно никто не работал. Толпы граждан, возбужденных первыми признаками весны, всей этой капелью и освободившимися от снега ветвями, четко выступающими на волокнистой белизне неба, мерили шагами мокрые тротуары. Тяжелые шубы и дубленки остались висеть на вешалках. В ход пошли куртки, осенние пальто, пуховики. Обновленный народ вкуче с обновляющейся на глазах природой смотрелся достаточно забавно. Движения и улыбки людей становились смелее, голос капли – звонче.

Но для Китайца в этот момент радостное оживление весенних толп было где-то на той стороне экрана, где проступали кровавые пятна обычной для нашего времени трагедии. Хотя участникам драмы всегда кажется, что они играют только что поставленную пьесу. «Все циклично, – думал Китаец, крутя баранку, – этому учит не только „И-Цзин“. Этому учит жизнь».

Он старался не поддаваться меланхолии, потому что терпеть ее не мог. Она изолировала от мира, делала из человека сверхчеловека. Вот, мол, все радуются, все довольны, а я такой недовольный, такой уникальный, такой высоко стоящий... Меня ничем не удивить, ничем не напугать, ничем не разжалобить. Хотя иногда Китаец чувствовал настоятельную потребность убежать от мира, защитить свое «я» от его безалаберной гонки, от его вероломного вторжения. Порой он грозил Лизе, что уедет куда-нибудь, например, в поместье «Тай Чи Фарм», что недалеко от Нью-Йорка, где можно практиковать тайцзи-цюань и другие традиционные китайские искусства. Тогда раздосадованная Лиза спрашивала, почему он не хочет просто уехать на свою историческую родину?

А он отвечал ей, что не так-то все просто. Что он, подобно его любимому поэту Цюй Юаню, не волен туда возвратиться.

Лиза недоумевала, говоря, что Цюй Юань действительно не мог этого сделать, потому что его изгнали из царства Чу, но Китайца-то никто не изгонял. «Жизнь изгнала», – упрямо отвечал Танин. Он знал, что возвращение в Китай потребует от него не просто ломки привычек и выльется в длительный период адаптации, а совершенно изменит его жизнь. Удвоит мир, словно все можно вернуть, вернувшись в Няньнин, словно можно заново заглянуть в то счастливое утро, когда он впервые ощутил силу «И-Цзина». «Нет, – думал он, – дело не в привычках, не в трудностях, а в том, что я верю в длительность, не просто верю, но переживаю ее так глубоко и остро, что необратимость для меня значит не меньше, чем цикл перемен».

Жизнь задалась таким образом, что его в пятилетнем возрасте отец привез в Россию. И с тех пор его видение мира включало в себя и Запад, и Восток.

Танин затормозил за квартал от десятого дома по улице Пушкина, подумав, что до его жилища отсюда шесть, нет, семь кварталов. Выйдя из машины и повесив на плечо небольшую спортивную сумку, уверенной походкой направился к дому. Он вошел во двор, который в своем весеннем ликовании ничем не отличался от улиц, по которым он только что ехал. Капель

долбила рыхлый снег, анахронично грудившийся на земле, ребяшня гоняла по двору с диким воинственным кличем, две пожилые дамы прогуливались недалеко от третьего подъезда.

Китаец прошмыгнул в первый. Легко поднялся на четвертый этаж и позвонил. Ответа не последовало. Он еще раз надавил на кнопку звонка. Тишина, прерываемая только монотонной песней капли, надвинулась на него. Тогда он расстегнул «молнию» на сумке, достал отмычки и принялся за работу. Минут через пять он сделал первый шаг в настороженную тишь квартиры Бондаренко.

Оставив сумку в прихожей и надев хлопчатобумажные перчатки, он тщательно обследовал прихожую, туалет, кухню и отправился в гостиную. Пустота. Квартира была четырехкомнатной, отделанной в лучших традициях евроремонта. Светлые стены и современная белая мебель делали ее еще более просторной, привносили некую стерильность и обнаженность.

Китаец заглянул в спальню. Огромная белая кровать, спинки которой своей закругленной плавной формой и гофрированной поверхностью заставляли думать о морской раковине, была застелена розовым покрывалом. Полупрозрачные розовые занавески были небрежно схвачены с обеих сторон двумя широкими атласными лентами. В нижней части задней спинки темнело небольшое окошечко, напоминавшее по форме хвост русалки. Когда наступали сумерки, это окошечко заменяло ночник. Оно вспыхивало, скорее всего, как предполагал Китаец, розовым светом, перламутровой пылью оседая на белом ковре.

На стеллаже, идущем вправо и влево от передней спинки, стояло несколько фото в рамках. Улыбающийся Роман Бондаренко и смеющаяся Светлана. Китаец почувствовал, как больно сдавило сердце. Вот чета Бондаренко на юге, а это – у здания московского ГУМа, вот – на отдыхе, где-то в деревне. На Светлане – смешные бермуды, в руках – удочка. Она скорчила рожицу. Роман держит ведро и растягивает рот в улыбке. Высокий полнотелый брюнет в джинсах. Пронзительный взгляд, а вот улыбка какая-то вымученная...

Далее, на самой большой фотографии, супруги Бондаренко в окружении гостей. Вероятно, какой-то офисный прием. С обеих сторон за спиной толпятся люди. Совсем рядом – маленькая пухлая женщина с огненно-рыжими волосами, в черном декольтированном платье, сидящем на ней, как седло на корове, мужчина в строгом темном костюме с холодной улыбкой на тонких губах и равнодушным взглядом спокойных серых глаз, еще один пожилой джентльмен благородной наружности с сигарой в углу рта, какой-то толстяк в мешковатом костюме с простонародной физиономией.

Сама же Светлана – чистая радость. В серебристом, сильно открытом платье на тонких бретельках... Короткие волнистые волосы набриолинены и зачесаны назад, забраны за уши, взгляд живой и открытый, полные, накрашенные яркой помадой губы, улыбаясь, обнажают ровные красивые зубы.

Китаец с трудом оторвался от фото и снова посмотрел на кровать. Если бы он раньше видел ее, если бы они со Светой решили однажды здесь покувыркаться, как она насмешливо называла то, чем они занимались наедине, он бы сравнил свою подругу с Венерой, вышедшей из пенного моря.

Но ведь она тут и с мужем, наверное, не скучала, – засвербила в мозгу цинично-предательская мысль. Нет, он не станет воображать постельные сцены супругов. Танин покинул спальню и вошел в другую комнату – кабинет. Тот был обставлен с сухой деловитостью.

Но Китайца заинтересовал не декор, а человек, недвижно сидящий за столом из светлого дерева. Бондаренко собственной персоной. Его голова была резко запрокинута.

Китаец осторожно приблизился. Отделанная деревом стена позади Бондаренко была залепана его кровью и мозгами. Китаец обошел стол. Внизу под стулом натекла и успела засохнуть лужица крови. Рядом с кровью, справа от покойного, он обнаружил пистолет. «Беретта», – определил он марку оружия. Китаец представил себе, как Бондаренко, сидя за столом, вставляет себе в рот ствол пистолета и нажимает на курок...

Он осмотрел поверхность стола. Сквозь темно-красные капельки крови, попавшей на стекло, которое защищало фотографию, маячили счастливые лица супругов Бондаренко. Рядом, в футляре, лежала стандартная видеокассета. Танин взял ее и вернулся в гостиную. Видеоаппаратура была и в кабинете, но Китаец несколько напрягало соседство мертвеца и вид его вышибленных мозгов.

Он вставил кассету в гнездо видеомагнитофона, сел в глубокое кресло перед телевизором, оперируя пультом дистанционного управления, перемотал пленку и нажал на «Play». То, что он увидел, не то чтобы расстроило его, но удивило.

Согласитесь, любому нормальному человеку было бы немного не по себе, если бы он неожиданно увидел пленку, которая зафиксировала его блаженные судороги в момент оргазма. На видеокассете были записаны постельные утехы Китаец и Светланы. Танин усилием воли заставил себя просмотреть всю пленку. Это была запись недельной давности. Тогда он пришел к Светлане первый раз. Кроме сцен, в которых участвовали их возбужденные тела и лица, на кассете ничего не было. Китаецу стало мутно. Он выключил магнитофон и на секунду замер в кресле. Ужасно захотелось курить. Было такое ощущение, словно кто-то решил сыграть с ним злую шутку.

Он снова прошел в кабинет и принялся обыскивать стол. В первом же ящике нашел связку ключей. В быстром темпе Танин стал переворачивать висевшие на стенах картины, зная, что именно под картинами обычно скрываются дверки сейфов. Бондаренко не был оригинален. Под полотном, изображающим какого-то абстрактного человека, похожего на вытесанную из дерева марионетку, Танин обнаружил сейф. Попеременно вставляя ключи, он нашел подходящий, открыл железный ящик и принялся методично обыскивать его. На верхней полке лежали пачки долларов и кожаная папка. Вынув ее, Китаец обнаружил в ней завещание.

Все свое добро Бондаренко в случае смерти завещал своей жене. В случае, если она по каким-либо причинам погибнет вместе с ним, его состояние в акциях и бумагах, а также недвижимость в Швейцарии были поделены между его родителями и некой Бондаренко Юлией Степановной, тысяча девятьсот семьдесят пятого года рождения, проживающей по адресу: улица Белоглинская, дом сорок два дробь двадцать, квартира сорок шесть.

Странное завещание, покачал головой Китаец, не сбалансированное какое-то. В первом случае Светлана получила бы все, а родственники остались бы с носом. Во втором они становились владельцами крупных состояний. Китаец положил на место завещание и выгреб то, что лежало на нижней полке. Среди бумаг, которые он энергично перелистал, не было ничего, что бы могло заинтересовать его. В дальнем углу этого отделения он обнаружил обитую синим бархатом коробочку, а в ней – пару обручальных колец: одно с крупным бриллиантом, другое – с тремя маленькими. Первое было явно мужским – его размер говорил сам за себя. Второе, маленькое и изящное, предназначалось женщине.

Он вспомнил, что Светлана не носила обручального кольца. Она вообще не жаловала побрякушки, говоря, что уже наносилась их сполна. «Такой богатой женщине, – подумал Китаец, – просто могло надоесть все это золото и бриллианты, до которых так падки желающие во что бы то ни стало разбогатеть мещанки».

Глава 4

Китаец сложил содержимое сейфа назад, запер его, убрал в стол ключи, затем прошел в гостиную, вынул из видеоманитофона кассету. Положив кассету в сумку, он посмотрел в «глазок» и вышел на площадку. Осталось запереть за собой дверь. Он уже почти справился со вторым замком, когда внизу хлопнула дверь и на лестнице послышались торопливые шаги. Еще несколько движений, и второй замок был в порядке.

Те, кто поднимался по лестнице, были уже на третьем этаже. Китаец успел определить, что их было трое и они явно были в армейских башмаках, которые громко цокали по бетонным ступеням.

Чей-то сынок приехал с друзьями из армии на побывку и прихватил с собой пару друзей? Не похоже. Сынки родителей, которые могли себе позволить жить в этом доме, явно не служат в армии. А кто еще носит армейские башмаки? Вывод напрашивался сам собой. Сунув отмычки в карман и, подхватив сумку, Танин бесшумно стал подниматься на пятый этаж. Преодолев два лестничных марша, он затаился перед железной лестницей, которая вела на крышу. Он поднял голову и увидел люк, который был заперт на обычный амбарный замок.

Шаги поднимавшихся людей стихли на четвертом этаже. Китаец услышал, как в квартире Бондаренко раздался звонок, потом еще один. Он повесил сумку на плечо, достал из кармана отмычки, зажал их зубами и начал подниматься к люку. Добравшись до него, просунул одну руку под перекладину, взял отмычки и, придерживая замок рукой, на которой висела сумка, попытался отпереть его. К счастью, у него это получилось довольно быстро.

– Никого нет, – услышал он простуженный мужской голос с четвертого этажа. – Что будем делать?

– А х... его знает, – недовольно ответил ему другой голос. – Звони соседям. Нам нужны понятия.

Китаец опустил отмычки в карман и, осторожно покачивая замок, принялся вынимать его из петель. Замок он тоже положил в карман. Приподняв крышку люка и поддерживая ее, он поднялся на одну ступеньку. Потом еще на одну. Крышка встала почти вертикально.

– Гаврилов, – Китаец снова услышал голос, который приказывал звонить соседям, – а ты что стоишь, как три тополя на Плющихе?

– А че, товарищ лейтенант? – ответил молодой звонкий алыт.

– Давай мухой навверх, мать твою, одна нога здесь, другая там, – резко сказал лейтенант, – проверь все...

– Че там смотреть-то, товарищ лейтенант? – угрюмо буркнул Гаврилов.

– Разговорчики, – повысил голос товарищ лейтенант, и кто-то медленно начал подниматься на пятый этаж.

Придерживая крышку в вертикальном положении, чтобы она не рухнула и не наделала шума, Китаец выбрался на чердак и плавно опустил ее на место. Он положил рядом с крышкой замок, осмотрелся и направился к выходу на крышу. Пока все шло если и не совсем гладко, то без особых осложнений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.